

Цзинь Шу со вздохом смотрел на Ин Фэна.

Он приехал только к вечеру. Туристы в этих краях обычно натягивали плотные ветровки и прятали лица под масками — он оделся точно так же, поэтому никто на улицах его не узнал. Даже когда он заговаривал с местными, в нём не признавали знаменитость.

Немного передохнув в гостинице, он вместе со Сяо Ши отправился на прогулку — хотелось присмотреть места с красивыми видами. Времени у него было в обрез, всего два дня, и ждать до завтра не хотелось. Если найдётся живописный уголок, можно будет под каким-нибудь предлогом уговорить Ин Фэна пойти туда вместе.

Проезжая мимо этого холма, он попросил остановить машину. Солнце ещё не зашло до конца. Цзинь Шу поднялся на пологий склон и, глядя на полыхающий совсем близко закат, вдруг вспомнил песню, которую пел когда-то очень давно.

Песню, которую он исполнил лишь однажды.

Тогда он был совсем юн, растерян перед обрушившейся на него правдой о мире и, как это часто бывает в шестнадцать лет, отчаянно бунтовал против несправедливости жизни. Впрочем, времени на настоящий бунт у него не нашлось: он лишь молча ненавидел всё вокруг, и подростковое упрямство только раздувало этот тёмный огонь в его груди.

Вернувшись на сцену в восемнадцать лет, он больше никогда не пел перед публикой. Дома, для себя, он по-прежнему брал в руки гитару, перебирал клавиши пианино, иногда напевал или сочинял музыку, но эти мелодии рождались и умирали в стенах его собственной комнаты. В машине лежала гитара; он достал её и сел на траву, вовсе не собираясь играть что-то серьёзное.

Просто в этот редкий миг покоя хотелось подержать инструмент в руках — так было спокойнее.

Маленькая девочка, жившая неподалёку, прибежала на звуки музыки. Она не знала, кто такой Цзинь Шу, да и лица его за очками и кепкой было не разглядеть. Её просто привлекла мелодия, под которую он тихо, сам того не замечая, запел старые слова.

Ин Фэн стоял спиной к нему, но всё равно узнал.

Никто в целом мире не обратил бы внимания, а он — лишь по силуэту и звуку голоса — сразу всё понял. Да ещё и расплакался, уткнувшись лицом в сухую траву. Кроме него, кто вообще мог помнить эту песню?

«И надо же так упрямо делать вид, будто ничего не случилось. Неужели он правда думает, что я не понял?»

Малышка подбежала к Ин Фэну и попыталась потянуть его за руку:

— Дяденька, давай я помогу тебе встать!

Ин Фэн от смущения уткнулся лицом глубоко в траву, не смея поднять головы.

Цзинь Шу отложил гитару, подошёл и мягко попросил девочку идти домой. Она послушно зашагала прочь, но у самого склона обернулась:

— Дядя, а ты придёшь завтра петь?

— Не приду, — тихо ответил он.

— А куда ты уезжаешь? — не унималась она.

Цзинь Шу лишь мягко улыбнулся, ничего не ответив. Девочка посмотрела на него ещё мгновение и вдруг выпалила:

— Дядя, у тебя такая красивая улыбка!

Цзинь Шу улыбнулся шире. Восемь лет назад Ин Фэн сказал ему точь-в-точь то же самое.

Когда шаги девочки затихли в отдалении, Цзинь Шу перевёл взгляд на Ин Фэна, который всё ещё делал вид, что страшно увлечён разглядыванием земли под ногами. Он сомневался, стоит ли подыгрывать ему в этой неловкой пантомиме.

— Учитель Ин, — негромко позвал он.

Ин Фэн мысленно возблагодарил сгустившиеся сумерки — лицо его пылало так, что, будь здесь светлее, позор его стал бы виден даже из космоса. Он неловко приподнялся и выдавил натужную улыбку:

— Какое совпадение!..

Цзинь Шу протянул ему руку, чтобы помочь подняться, но Ин Фэн поспешно отвёл глаза и сам полез на четвереньках вверх, демонстративно игнорируя предложенную помощь. Цзинь Шу не обиделся, лишь спокойно убрал руку в карман ветровки, продолжая внимательно разглядывать парня. Он приехал сюда с твёрдым намерением во всём признаться, хотя до конца не понимал, что именно Ин Фэн к нему чувствует.

Возможно, для него Цзинь Шу был лишь далёким кумиром, любимым актёром, не более.

Но пока они не поговорят открыто, ничего не изменится. Иначе между ними так и останутся эти восемь лет молчания, ворох нелепых совпадений и глухая стена недомолвок.

Цзинь Шу уже открыл было рот, но Ин Фэн опередил его, заговорив с наигранным восторгом:

— Вот уж не думал, что встречу вас здесь! Какое невероятное совпадение!

Он изо всех сил притворялся, что всё в порядке.

Цзинь Шу мысленно вздохнул и решил подыграть:

— Что учитель Ин делает в этих краях?

— От нашего университета и детской ассоциации организовали благотворительную поездку, — послушно доложил Ин Фэн, вытянувшись перед ним по струнке. — Мою школу тоже привлекли, вот меня и отправили.

На дворе стоял конец октября, ночи в степи дышали леденящим холодом. Парень натянул забавную вязаную шапку, к которой прилипли сухие травинки, да и на щеках остались мелкие соринки — в бледном свете луны Цзинь Шу видел каждую деталь. Он невольно потянулся рукой к его лицу, намереваясь смахнуть грязь.

Ин Фэн испуганно отшатнулся на шаг назад.

— У вас травинка на щеке, — спокойно пояснил Цзинь Шу.

— А! — Ин Фэн принялся судорожно тереть лицо ладонями. Когда он провёл по щекам раза три, Цзинь Шу негромко добавил:

— Теперь всё.

— А, ха-ха, спасибо... — Ин Фэн неловко топтался на месте, умудрился оступиться на ровном месте и едва снова не покатился по склону.

Цзинь Шу, заметив его неловкость, указал на сухое место рядом с собой:

— Присядьте, учитель Ин. Давайте немного посидим.

— Хорошо... — Ин Фэн осторожно опустился на траву, стараясь больше не позориться.

Цзинь Шу подвинул гитару чуть в сторону и сел рядом. В тишине степной ночи шорох их плотных ветровок казался неестественно громким.

Ин Фэн от волнения снова принялся крутить пальцы, не зная, с чего начать разговор. Цзинь Шу скользнул по нему быстрым взглядом, взял гитару и сделал лёгкий перебор по струнам.

— Вам нравится эта песня, учитель Ин?

— Да... очень красивая, — пробормотал Ин Фэн и поспешно добавил: — Раньше я её никогда не слышал.

Цзинь Шу посмотрел на него с мягкой усмешкой:

— Хотите послушать ещё раз? — Его пальцы уже зажимали аккорд.

Ин Фэн испуганно замахал руками:

— Нет-нет, не нужно! Это слишком хлопотно для вас!

Ему только не хватало разрыдаться прямо перед своим кумиром посреди бескрайней степи.

Цзинь Шу умолк. Ин Фэну стало немного неловко за свою резкость, и он поспешил перевести тему:

— А вы как здесь оказались? У вас тут съёмки? — И, словно спохватившись, добавил: — Моя подруга говорила, что вы сейчас снимаетесь где-то в пустыне.

Цзинь Шу вгляделся в его лицо, на котором сейчас смешались тревога, робкая надежда и фанатский восторг. Этот взгляд заставил Цзинь Шу тихо вздохнуть про себя.

«Что ж, пусть пока думает, что я верю в эту сказку про подругу».

— Съёмки действительно проходят во Внутренней Монголии, но ближе к Аршаню и Хулун-Буиру, — спокойно ответил он. — Я внёс небольшое пожертвование от себя лично, выдалось несколько свободных дней, вот и решил заехать посмотреть, как тут всё устроено.

Ин Фэн округлил глаза:

— Так тот таинственный крупный благотворитель — это вы?!

Цзинь Шу кивнул.

— Но почему не через студию? — искренне не понимал Ин Фэн. — Если делать это анонимно, никто ведь об этом не узнает!

Цзинь Шу снова мысленно вздохнул. Обычный человек никогда бы не обратил внимания на такие юридические тонкости. Только преданный фанат мог знать все детали его рабочих контрактов и отчётов студии.

— Зачем делать добро напоказ? Мне не нужно, чтобы об этом кричали на каждом углу.

Эти слова отозвались в душе Ин Фэна странной пустотой.

Он, пожалуй, слишком глубоко увяз в правилах фан-сообщества. Они действительно тратили огромные силы на благотворительность, но, если признаться честно, чаще всего делали это ради престижа Цзинь Шу. Строили дороги, возводили школы, высаживали деревья — и всё под его именем. Какая гордость!

Каждый год их фандом гремел в отчётах, привлекал внимание официальных СМИ, получал бесконечные благодарности.

Но многие ли из тех, кто жертвовал деньги, искренне пеклись о самой благотворительности?

Ин Фэн тоже хотел помогать людям, но в этой фанатской лихорадке стёрлась сама суть. В сухом остатке имело значение лишь одно — величие Цзинь Шу.

Пока Ин Фэн предавался невесёлым мыслям, Цзинь Шу продолжил:

— Я знал, что приедут учителя из Нанани, но не ожидал встретить вас.

Ему пришлось слегка покривить душой, но лицо господина Цзиня оставалось абсолютно бесстрастным.

Ин Фэн тут же принялся оправдываться:

— Я здесь не один, нас много приехало. Просто остальных распределили в другие места. Руководство из департамента образования пока остановилось в Шилин-Хоте, они решили передохнуть с дороги и приедут только завтра. А я не хотел терять время, поэтому выехал раньше и добрался уже к вечеру.

Цзинь Шу понимающе кивнул. Теперь стало ясно, почему Ин Фэн оказался здесь на день

раньше графика.

— Я заранее распределил все дела в школе, так что дети не останутся без присмотра! И за Бэйбэя не переживайте! — поспешно добавил Ин Фэн, испугавшись, что кумир сочтёт его безответственным учителем, который бросил класс ради развлечений. — Я очень серьёзно отношусь к своей работе.

Цзинь Шу негромко рассмеялся.

От этого звука Ин Фэн всегда замирал. Ему вечно казалось, что над ним добродушно подшучивают, считают глупым. Он робко опустил голову и пробормотал:

— Я приехал, поужинал, делать было нечего... Решил прогуляться. Смотрю — машина на обочине стоит. Ну и я остановился. А потом услышал, как кто-то поёт... Дай, думаю, взгляну. Очень красиво. — Он прикусил губу, решаясь задать вопрос, который мучил его больше восьми лет: — А эта песня... она на монгольском?

— Да.

— А о чём она?

Цзинь Шу не ожидал этого вопроса. Он задумчиво посмотрел на струны гитары, а затем перевёл взгляд на Ин Фэна:

— Это старинная колыбельная о маме, очень простая. Я услышал её в детстве, и она мне запомнилась. Вам она тоже пришлась по душе?

— Очень.

— Что ж, мне приятно это слышать.

— Вы потрясающе поёте. Но... — Ин Фэн осёкся, понимая, что лезет не в своё дело.

Цзинь Шу мягко закончил за него:

— Хотите спросить, почему я больше не пою?

Ин Фэн быстро закивал.

— Всё просто: музыка сейчас не приносит денег. Индустрия в упадке, — спокойно ответил Цзинь Шу.

Такой прозаический ответ застал Ин Фэна врасплох. Он-то строил в голове драматические теории: думал, что агентство наложило запрет, или что у Цзинь Шу осталась психологическая травма после того злополучного концерта перед затяжным кризисом в карьере. Он даже думал, что эта песня как-то связана с его таинственной первой любовью... А дело оказалось в банальных деньгах.

Цзинь Шу продолжал улыбаться:

— Расстроены?

Ин Фэн молчал, не зная, что сказать, а Цзинь Шу тихо продолжил:

— Вашу подругу этот ответ, наверное, тоже разочаровал бы, но такова реальность. Фольклор и авторская песня всегда были нишевыми жанрами, на них не заработаешь. Чтобы выжить и двигаться дальше, мне пришлось сменить амплуа. — Он посмотрел на звёздное небо над степью. — Почти сразу после моего возвращения на сцену родился Бэйбэй. Раз уж я подарил этому ребёнку жизнь, я обязан обеспечить ему лучшее будущее. Ради этого и приходится зарабатывать. Вот и всё.

Ин Фэн слушал его, и в груди у него щемило от горькой нежности.

Перед глазами вдруг встал тот вечер, тоже больше восьми лет назад. Он прятался за хлипкой картонной перегородкой за кулисами дешёвой уличной сцены, не смея подойти к незнакомому мальчишке. Ему просто хотелось побыть рядом, хотя бы мельком взглянуть на него.

Когда выступление закончилось, ребятам вручили бумажный конверт — скромный гонорар. Мальчишки шумно принялись делить деньги прямо на ходу. Ин Фэн до сих пор помнил эту сумму: триста юаней на пятерых за целый час работы.

Сам Ин Фэн тогда, подрабатывая, получал больше четырёх тысяч в месяц.

Тот синеглазый мальчик отказался от своей доли, жестом велел остальным забрать всё себе. Кто-то спросил его тогда: «Цзинь Шу, а ты на что ужинать собрался?»

«Там видно будет», — бросил он, закинул гитару за спину и ушёл в темноту.

Именно в тот день Ин Фэн впервые узнал его имя. Тогда он думал, что оно пишется по-другому — «Золотое Дерево».

Позже Цзинь Шу дебютировал, его имя загремело на всю страну. И каждый раз, когда на его кумира лились ушаты грязи, Ин Фэн вспоминал тот дешёвый концерт под открытым небом. Он поклялся себе, что сделает всё, лишь бы Цзинь Шу никогда не вернулся к тем временам.

К той уличной сцене, к поту на лбу и несчастным грошам, поделённым на пятерых.

Он будет тратить свои деньги, будет поддерживать его изо всех сил. Он хотел видеть Цзинь Шу самым богатым, самым успешным и сияющим.

Даже если сам он всю жизнь проведёт в тени, просто любуясь им издалека. Пусть у Цзинь Шу будет всё. Пусть он ни в чём не знает нужды.

— Вы разочарованы во мне? — снова негромко спросил Цзинь Шу.

Ин Фэн резко вскинул голову:

— Ничуть! Мир действительно суров, вы всё сделали правильно! Без денег в нашей жизни и шагу ступить нельзя.

<http://bllate.org/book/20637/2140709>